

**ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ,
ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ**

Научная статья

УДК 159

doi: 10.20323/1813-145X-2021-5-122-106-118

**Состояния сознания, проблема наблюдателя, познание
(или о единстве трансцендентальной психологии, физики и философии). Часть I**

Рубен Михайлович Нагдян

Доктор психологических наук, профессор кафедры психологии Международного научно-образовательного центра Национальной академии наук Армении. 0004, Республика Армения, г. Ереван, ул. Маршала Баграмяна, д. 24

r.nagdyan@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3520-3038>

Аннотация. В настоящее время в науке наблюдается усиление интеграционных процессов как результата увеличения числа точек зрения на один и тот же предмет исследования, приводящих к конвергенции наук, созданию метатеорий и междисциплинарных связей, благодаря усилиям многих исследователей из разных областей науки. В этом контексте в статье делается попытка показать единство трансцендентальной психологии, физики и философии в решении эпистемологических проблем. В статье обсуждается вопрос о соответствии воспринятого или наблюдаемого мира с самим миром, с миром таким, какой он есть «на самом деле». В связи с пониманием этого вопроса анализируются взгляды Д. Беркли, Н. Бора, В. Гейзенберга, А. Эйнштейна, А. Н. Леонтьева, А. И. Миракяна. На основе проведенного анализа делается предположение, что причиной неразрешимости этой проблемы в рамках оппонирующих философских направлений является несоответствие уровней и состояний сознания представителей этих направлений. Показывается зависимость восприятия мира и сдвигов парадигм от изменений состояний сознания. В контексте изменений состояний сознания рассматриваются вопросы трансцендирования и переходов из одной реальности в другую. Проводится сравнительный анализ результатов теоретического исследования данных вопросов с положениями виртуалистики.

Во второй части статьи в контексте состояний сознания будут рассмотрены особенности внешнего и внутреннего наблюдателя и их отношение к процессу познания.

Ключевые слова: единство, мир и образ мира, состояния сознания, материализм, идеализм, квантовая механика, трансцендентальная психология, познание, виртуалистика

Для цитирования: Нагдян Р. М. Состояния сознания, проблема наблюдателя, познание (или о единстве трансцендентальной психологии, физики и философии). Часть I // Ярославский педагогический вестник. 2021. № 5 (122). С. 106-118. <http://dx.doi.org/10.20323/1813-145X-2021-5-122-106-118>.

**GENERAL PSYCHOLOGY, PERSONALITY PSYCHOLOGY,
PSYCHOLOGY HISTORY**

Original article

**States of consciousness, observer problem, cognition
(or about the unity of transcendental psychology, physics and philosophy). Part I**

Ruben M. Naghdyan

Doctor of psychological sciences, professor of the department of psychology of the International scientific and educational center of the National academy of sciences in Armenia. 0004, Republic of Armenia, Yerevan, Marshal Baghramyan st., 24
r.nagdyan@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3520-3038>

Abstract. Currently, there is an intensification of integration processes in science as a result of an increasing number of approaches and points of view on the same subject of research, leading to the convergence of sciences, creation of metatheories and interdisciplinary connections, thanks to the efforts of many researchers from different fields of science. In this context, the article attempts to show the unity of transcendental psychology, physics and philosophy in solving epistemological problems. The present article discusses the question of correspondence of the perceived or observed world with the world itself, with the world as it is «in reality». In connection with understanding of this issue, D. Berkeley, N. Bohr, W. Heisenberg, A. Einstein, A. N. Leontiev, A. I. Mirakyan's views are being discussed. On the basis of the analysis carried out, the following assumption is made: the reason for insolubility of this problem within the framework of opposing philosophical directions is the discrepancy between levels and states of consciousness of representatives of these scientific directions. Dependence of the perception of the world and paradigm shifts on changes in the states of consciousness are shown. In the context of changes in states of consciousness, the issues of transcending and transitions from one reality to another are considered. A comparative analysis with the provisions of virtualistics is carried out.

In the second part of the article, the features of external and internal observers and their relation to the process of cognition in the context of states of consciousness are going to be discussed.

Keywords: unity, the world and the image of the world, states of consciousness, materialism, idealism, quantum mechanics, transcendental psychology, cognition, virtualistics

For citation: Naghdyan R. M. States of consciousness, observer problem, cognition (or about the unity of transcendental psychology, physics and philosophy). Part I. *Yaroslavl pedagogical bulletin*. 2021;(5):106-118. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/1813-145X-2021-5-122-106-118>.

Вместо введения: Мир или образ Мира?

Не вызывает сомнений тот факт, что фундаментальные исследования в естествознании меняют наше представление о науке как таковой, а вместе с тем и наше понимание о происходящих в ней процессах дифференциации и интеграции. В настоящее время особое внимание привлекают интеграционные процессы, приводящие к конвергенции наук, созданию метатеорий и междисциплинарных связей. В психологии также наблюдается эта тенденция, о чем свидетельствуют фундаментальные исследования, проведенные за последние десять лет [Акопов, 2017; Знаков, 2021; Интегративный подход ... , 2017; Козлов, 2007; Мазилев, 2015; Мединцев, 2020; Петренко, 2017; Панов, 2014; Прыгин, 2018; Супрун, 2010]. Вероятно, самый большой вклад в изменение наших представлений о науке и о природе реальности внесли исследования по квантовой механике, которые оказали большое влияние на развитие не только самой физики, но и философии. Это было обусловлено тем, что актуальными стали вопросы о значении наблюдателя при исследовании квантовых явлений и о возможностях объективного познания реальности.

Обращение некоторых психологов к феноменам квантовой механики с целью обнаружения в них общих с психическими явлениями закономерностей придало новый импульс развитию интегративного процесса в психологии. Это указывает на возрастание интереса исследователей к онтологическим вопросам психологии в контексте изучения сущности и устройства глубинных

уровней бытия. Можно лишь предположить, что этот интерес на самом деле обусловлен надеждой психологов обнаружить в глубинах мироздания «истинную» сущность психики. Таким образом, и психологи, и физики пришли к необходимости исследования реальности, чтобы понять, как она устроена и каковы ее свойства, что предшествует возникновению физических и психических феноменов, что между ними общего, как они взаимосвязаны между собой. «Современная физика, – считают известные психологи В. Ф. Петренко и А. П. Супрун, – привлекает внимание психологов и философов, прежде всего тем, что в ней наиболее остро поставлены вопросы о том, чем же является та самая реальность, в которой мы существуем? Причем развитие этой науки впервые позволило задавать природе экспериментально строгие вопросы методологического характера и получать надежные логические следствия, недоступные в других отраслях знания. И если раньше можно было формально разделять физическую и психическую реальность, придерживаясь “принципа параллелизма”, то теперь эта возможность катастрофически исчезает» [Петренко, 2013, с. 62]. Для поиска ответов на поставленные выше вопросы необходим синтез трех областей знания – физики, психологии и философии, составляющих триаду, то есть нерасчленимое единство, каждая из которых дополняется двумя другими. Единство именно этих трех дисциплин может привести к построению целостной картины мира. Отметим к тому же, что самодостаточная философия психологии может быть построенной благодаря единству этих трех областей знания.

Трансцендентальный характер подобных исследований уже указывает на то, что место философии в этих теориях должна занимать метафизика, исследующая вопросы онтологии, то есть традиционная метафизика «в лице» «первой философии» Аристотеля. Однако, когда возникает вопрос о предпосылках «порождения» самих теорий или возможностях познания, становится необходимым обращение к трансцендентальной философии (или к метафизике) И. Канта.

В предыдущей статье [Нагдян, 2021а; Нагдян, 2021б] было показано философско-методологическое единство трансцендентальной психологии и квантовой механики, основанное на метафизических представлениях Аристотеля об устройстве мира. Один из основных выводов, вытекающих из этого анализа, относится к тому, что наблюдение за явлениями природы выявляет не то, какие они есть, по выражению Канта, «сами по себе», а наше отношение к этим явлениям. Причем в данном контексте «отношение» надо понимать в широком смысле, потому что доступ к реальности «самой по себе» опосредуется не только экспериментальными средствами измерения-наблюдения, но и нашими ощущениями, чувствами и разумом. Именно этим обстоятельством обусловлено то, что стена между *res cogitans* и *res extensa*, воздвигнутая Декартом, стремительно исчезает, и становится все труднее различать, что в объектах внешнего мира относится к психическому, а что – к материальному. Поэтому вопрос о том, что такое реальность «сама по себе», становится особенно актуальным при решении трансцендентальных проблем психологии и физики, которые возникают, когда становится необходимым понять, что предшествовало исследуемому феномену до его возникновения, осознания, наблюдения или измерения. В психологии, точнее – в трансцендентальной психологии, этот тезис преобразуется в проблему порождения психического феномена из ненаблюдаемой реальности порождающих процессов, а в квантовой механике – в проблему о возникновении квантовых феноменов и мира наблюдаемых физических явлений. В классической физике и классической психологии таких проблем не существует, потому что в первом случае полагают, что наблюдение никак не влияет на объект и процесс измерения его состояния, поэтому вопрос о реальности до измерения не имел смысла. А во втором случае проблема порождения психических феноменов вообще не рассматривалась, поскольку они брались как исходные данности

анализа, поэтому не ставился и вопрос о более глубокой порождающей реальности. Следовательно, одной из причин возникновения неклассической стадии развития обеих наук является «встреча» исследователей с проблемой нового типа – с проблемой становления (возникновения, порождения) наблюдаемого феномена.

Решение этой проблемы требовало проведения теоретических (метафизических) исследований ненаблюдаемой реальности, предшествующей появлению, то есть осознанию, феномена. Одним из следствий, вытекающих из дискуссий по этому вопросу, может быть выявление с единых позиций возможностей понимания некоторых загадочных явлений и высказываний выдающихся физиков о закономерностях существования необычного квантового мира и исследования принципов порождения психических феноменов, то есть исследования особенностей реальностей, в которых зарождаются процессы становления явлений природы.

Разве не кажется необычным, например, заявление Н. Бора о том, что «квантового мира нет, есть только его абстрактное квантовомеханическое описание»? [Peterson, p. 305]. Парадоксальность высказывания Бора очевидна: если квантового мира нет, тогда откуда возникло понятие квантового мира? Или кванта как реального объекта не существует – есть только его описание, но... описание чего?

Чтобы понять Н. Бора, обратимся к философии Д. Беркли, который выражал аналогичные мысли, суть которых раскрывается в спорах с представителями материалистической философии.

Материалисты упрекали Беркли, как и всех субъективных идеалистов, в том, что, по их мнению, стоит нам закрыть глаза, и мир исчезнет. Однако Беркли с этим не соглашается: «Нам возразят..., – пишет он, – что мы упраздняем все телесные субстанции. На это я отвечу, если слово *субстанция* понимать в житейском (*vulgar*) смысле, то есть как комбинацию чувственных качеств, протяженности, прочности, веса и т. п., то меня нельзя обвинять в их уничтожении. Но если слово *субстанция* понимать в философском смысле – как основу акциденций или качеств вне сознания – то тогда действительно я признаю, что уничтожаю ее, если можно говорить об уничтожении того, что никогда не существовало» [Беркли, 1978, с. 187].

Другими словами, если человек воспринимает вещь в совокупности своих ощущений, то при

закрытии глаз ничего не уничтожается – ощущения вновь могут быть воспроизведены. Но если воспринимаемую вещь понимать в совокупности объективно принадлежащих ему качеств, существующих вне сознания (и не могущих возникнуть в сознании), то при закрытии глаз эти качества, не имеющие доступа к сознанию, а вместе с ними и сама вещь, «уничтожаются». Однако, по Беркли, вещи изначально не обладают качествами, поэтому при закрытии глаз абсурдно говорить об их уничтожении. В подтверждение этому Беркли пишет: «Могут возразить, что согласно вышеприведенным принципам, все то, что реально и субстанционально в природе, изгоняется из мира и заменяется химерической схемой идей. Все существующие вещи существуют лишь в духе, то есть только мыслимы. Во что же обратятся солнце, луна и звезды? Что должны мы думать о домах, горах, реках, деревьях, камнях, даже о наших собственных делах? Неужели это не более как химеры или обманы воображения? Я отвечаю на это..., что, принимая вышеизложенные принципы, *мы не теряем ни одной вещи в природе...* (выделено нами. – Р. Н.). Существует совокупность *genum naturae* (природных вещей. – Р. Н.), и различие между реальностями и химерами сохраняет полную свою силу..., но и те, и другие существуют равным образом в духе и в этом смысле суть одинаково *идеи*» [Беркли, 1978, с. 186]. Тем самым Беркли достаточно ясно говорит, что мир вне сознания человека существует таким, каким он был и есть («в природе ничего не теряется» – как епископ, Беркли, очевидно, верил в сотворение и существование мира до появления человека). Но в нашем внутреннем мире (в духе) природа и то, что мы можем вообразить, существуют в понятиях и комплексах ощущений (идеях), которых нет в мире, существующем независимо от человека, вне его сознания.

В приведенном высказывании Беркли предстает перед нами не как субъективный идеалист, а как основоположник конструктивизма. Ведь речь, на самом деле, идет о репрезентациях в нашем сознании внешнего мира, и вопрос лишь в языке этой репрезентации, который может быть представлен и в виде образов, чувств, и в виде лингвистических и математических конструкций, обобщенных Беркли в одном понятии «идеи». Вся сложность психологического восприятия мировоззрения Беркли состоит в том, что совершенно невозможно представить мир без психических качеств, приписываемых ему человеком. Поэтому становится понятным вопрошание

Беркли: «Во что же обратятся солнце, луна и звезды?». Это напоминает известное высказывание А. Эйнштейна: «Разве Луна существует только тогда, когда мы на нее смотрим?», которое не потеряло своей актуальности и сегодня. Эйнштейну можно было бы ответить таким образом: «Такой Луны, какой мы ее видим, когда открываем глаза, не существует»; или по другому: «Когда на Луну мы не смотрим, она опять существует, но это уже нечто совершенно другое»; или – «Именно такая Луна существует только тогда, когда мы открываем глаза».

Теперь вернемся к высказыванию Н. Бора, которое звучит не менее странно: «Квантового мира не существует. Есть только его абстрактное квантово-механическое описание». Смысл данного высказывания в том, что исследователи никогда не измеряли и не наблюдали сам реальный квант или квантовые частицы, а всегда имели дело с приборными «репрезентациями» предполагаемой квантовой частицы, например, электрона, которые получали в виде данных измерительного прибора. Эти данные затем, в сознании исследователя, преобразуются в лингвистические и математические «репрезентации». Поэтому не надо тешить себя надеждой, что мы когда-либо сможем ответить на вопрос, что такое реальные фотон, электрон или нейтрон сами по себе, потому что всегда будем иметь дело с репрезентациями (точнее – интерпретациями). Они могут быть представлены либо в виде результатов эксперимента, либо в виде символики теоретических математических вычислений, характеризующих не само «нечто», существующее независимо от человека до наблюдения, а его проявления-репрезентации, обобщенные в соответствующих метафорах – «фотон», «электрон», «нейтрон», «суперструны» и т. д. Тем самым онтологическая реальность заменяется реальностью символической (ментальной), под личиной которой скрывается определенная ненаблюдаемая онтология. Поэтому Бор прав: квантового мира, независимо от квантово-механического описания, не существует, или, в другой формулировке, – такого квантового мира, который описывается квантово-механической символикой, не существует. Вероятно, подобные соображения послужили для Н. Бора основанием полагать, что теория квантовой механики является завершенной, что нет необходимости в изучении более глубокой реальности, в которой могли быть скрыты процессы, порождающие не вероятностные, а однозначно прогнозируемые феномены КМ. И действи-

тельно, нет оснований считать, что приведенная выше особенность копенгагенской интерпретации КМ является доказательством отсутствия мира, в его онтологическом понимании, до измерения или наблюдения. Независимый от восприятия и сознания человека Мир существует. Но парадоксальность его восприятия состоит в том, что люди, психологи и физики в том числе, часто заблуждаются, отождествляя Мир с ее репрезентациями. «Удивительно, что физики, – пишут В. Ф. Петренко и А. П. Супрун, – моделируя реальность, забывают, что фактически они моделируют только *ее модель* (то есть репрезентацию реальности. – Р. Н.), *представленную в сознании*» [Петренко, 2013, с. 68].

У психологов, исследующих закономерности восприятия макрообъектов, сложилась такая же эпистемологическая «ситуация». Находящийся перед человеком предмет видится в совокупности присущих ему качеств, которые и являются репрезентациями данного предмета, закономерности восприятия которых (качеств) исследует, например, психофизика. Но это вовсе не означает, что исследуется психика, так как образ предмета – это всего лишь его репрезентация, содержащая в себе также модальность порождающего ее процесса, который и можно назвать *психикой*. Понятие модальности порождающего процесса вводится для того, чтобы указать на разнообразие видов порождающих процессов, участвующих в восприятии одного и того же предмета; каждый порожденный феномен сохраняет модальность порождающего его процесса. Поэтому репрезентация воспринимаемого предмета содержит в себе также репрезентацию модальности порождающего процесса, то есть репрезентацию психики, сливающуюся с образом предмета в одно целое и составляющую его психологическую «ткань». Поэтому образ предмета – это не только его репрезентация, но и репрезентация психики. Однако традиционные психологи «предпочитают» репрезентацию психики принимать за саму психику, тем самым заменяя исследование реальности психики (процессуальных принципов порождения феноменов определенных модальностей) исследованием реальности ее феноменов («локальных» и «статичных» психологических образований, обозначенных соответствующими понятиями). В итоге в психологии сложилась ситуация, аналогичная той, которая возникла в КМ после принятия большинством физиков ее копенгагенской интерпретации: психологи, по умолчанию, отказались от постановки проблемы изуче-

ния более глубокой реальности, в которой реализуются процессы порождения психических феноменов.

Обобщая вышесказанное, можно сделать вывод, что наблюдаемый нами внешний мир (физическую реальность), кажущийся существующим независимо от нас, уже содержит в себе психическое. Это и есть та самая «встреча с самим собой», о которой писал физик-теоретик В. Гейзенберг: «...в естествознании предметом исследования является уже не природа сама по себе, а природа, поскольку она подлежит человеческому вопрошанию, поэтому и здесь человек опять-таки встречается самого себя» [Гейзенберг, 1987, с. 300]. Такого же мнения относительно наблюдений за объектами микромира придерживался и другой известный физик-теоретик Д. фон Нейман [Нейман, 1964], рассуждения которого В. Ф. Петренко и А. П. Супрун приводят в своей статье. «Если раньше, – пишут авторы, – руководствуясь принципом параллелизма, можно было не заморачиваться такими понятиями, как сознание, субъект, свобода воли и пр., то в квантовой механике при акте измерения наблюдатель и наблюдаемый объект сливаются в такие тесные объятия, что невозможно определить, где начинается один и кончается другой» ([Цит. по: Петренко, 2013, с. 68]). Таким образом, и в явлениях микромира, и в явлениях макромира обнаруживается слияние физического и психического как следствие данности воспринятого внешнего мира сознанию человека. Следовательно, мир и закономерности его изменений не воспринимаются зеркально, а отчасти конструируются законами внутреннего мира, на что намекал еще Беркли.

Таким образом, возвращаясь к Беркли, еще раз отметим, что он был против существования вне сознания человека объектов, *наделенных качествами или свойствами*, ибо они (эти качества и свойства) могут существовать только в духе (в уме, в сознании), но при этом он не был против существования мира вне человека. Но подобное сочетание приводит к тому, что, действительно, совершенно невозможно вообразить нечто, существующее вне человека (вне меня), которое не обладает ни цветом, ни звуком, ни вкусом, ни запахом, ни мягкостью или твердостью и т. д. Однако в сознании человека природа представлена в совокупности именно таких свойств и качеств. То есть, когда человек закрывает глаза, воспринимаемые объекты «перестают существовать» («уничтожаются») *как образы сознания*. Но так как Беркли верил в реальное существование

природы, для разрешения этого парадокса ему необходимо было ввести представление о существовании безобъектной реальности, предшествующей реальности, уже воспринятой и существующей вне сознания человека.

Это открыло бы новые горизонты перед психологией в связи с необходимостью разработки новой методологии, обладающей возможностью показать, как из этой безобъектной реальности, при ее взаимодействии с субъектом, порождаются необходимые для его функционирования объекты, воспринимаемые (осознаваемые) в совокупности психических качеств и свойств: величины, формы, цвета, звука, запаха и т. д. Однако Беркли не сделал этого последнего шага, хотя и был близок к нему. Этот шаг был сделан И. Кантом, который провел линию демаркации между неосознаваемым миром ноуменов, существующих «сами по себе», и осознаваемым миром феноменов, А. В. Каминский пишет: «Кант первый понял, что сознание не является пассивным зеркалом, отражающим мир, но активно конституирует его в соответствии со своей собственной структурой» [Каминский, 2017, с. 114]. А для материалистов не существовало ни такого понятия, ни такой догадки (о безобъектной реальности). Поэтому, если дословно принять и Беркли, и материалистов (в лице одного из критиков Беркли – В. И. Ленина [Ленин, 1931]), то получается, что они спорили не столько о том, есть материя или нет, сколько о том, что такое природа вне сознания человека. Для материалистов природа – это то, что есть вне человека и таким же образом отражается в его сознании, а для Беркли – это то, что есть вне человека, но без тех свойств и качеств, которые возникают и существуют лишь в сознании. Однако, несмотря на такое различие в понимании природы, удивительным является то, что, в конечном счете, и материалист и идеалист в жизни видят и ощущают один и тот же мир. Поэтому возникает вопрос о причине возникновения у них столь глубоких различий в восприятии мира. Можно сделать предположение, что различие между ними заключается в качестве осознаваемости мира, в несхожести мироощущений и мировосприятий, то есть в несоответствии их состояний сознания.

Мировосприятие материалистов основано на отождествлении двух совершенно разных понятий – Мира вне человека и воспринятого мира. И если Беркли догадывался об их различии, но не сделал попыток более полно представить, что он

понимает под природой, существующей вне человека, то материалисты целиком находились в состоянии этого отождествления, то есть не осознавали их принципиального различия.

Одна из первых попыток в психологии понять причину возникновения подобного различия была предпринята А. Н. Леонтьевым. Разрабатывая вопросы философии психологии, в известной работе «Образ мира» А. Н. Леонтьев пишет: «Здесь я подхожу к труднейшему, можно сказать, критическому пункту опробываемого мною хода мысли...

Тезис этот состоит в том, что *мир в его отдаленности от субъекта амодален...* Выдвигая этот тезис, я исхожу из очень простого и, на мой взгляд, совершенно оправданного различения свойств двойного рода.

Один – это такие свойства неодушевленных вещей, которые обнаруживаются во взаимодействии с вещами же (с “другими” вещами), то есть во взаимодействии “объект – объект”. Некоторые же свойства обнаруживаются во взаимодействии с вещами особого рода – с живыми чувствующими организмами, то есть во взаимодействии “объект – субъект”. Они обнаруживаются в специфических эффектах, зависящих от свойств реципирующих органов субъекта. В этом смысле они являются модальными, то есть субъективными» [Леонтьев, 1983, с. 257]. И далее: «Итак, предметный мир, взятый как система только “объектно-объектных” связей (то есть мир без животных, до животных и человека), амодален. *Только при возникновении субъектно-объектных связей, взаимодействий возникают многообразные и к тому же меняющиеся от вида к виду модальности*» [Леонтьев, 1983, с. 258].

Таким образом, А. Н. Леонтьев дает четкое различие двух представлений о мире: при наличии в нем субъекта и без него. При наличии взаимодействующего с миром субъекта мир представлен субъекту в модальностях восприятия, без субъекта, когда отсутствует взаимодействие между субъектом и миром, – мир амодален. Но вспомним, что именно такой мир и имел в виду Беркли, когда говорил, что в природе (он признавал реальность существования природы) вне сознания человека не может быть субстанции, обладающей «акциденциями или качествами». Схожесть этих рассуждений Беркли и Леонтьева позволяет предположить, почему Леонтьев считал этот ход мыслей «труднейшим» и «критическим»: тезис об амодальности мира, существующего до человека, мог бы отвести ис-

следователя в сторону от материализма. Кроме того, невозможно амодально представить то, что человек и человечество всегда воспринимали в совокупности «совместных» модальностей – для этого у нас просто не хватит воображения. Однако, если сопоставить дальнейшие их рассуждения, то они резко, до противоположности, отличаются друг от друга. Если у Беркли модальные качества *возникают* в сознании человека и не принадлежат объекту, то у Леонтьева модальные качества *обнаруживаются* (термин Леонтьева) субъектом как субъективные свойства объекта (субъективные, потому что, согласно мнению Леонтьева, зависят от «свойств рецепирующих органов субъекта»).

Из вышеприведенного тезиса А. Н. Леонтьева возникают и другие вопросы, которые требуют ответа. Например, насколько правомерно говорить о *свойствах* вещей, обнаруживающихся в объектно-объектных отношениях, когда (если) нет субъекта? Или как соотносятся понятия «амодальный» и «безобъектный» и т. д. Мы не ставили перед собой цель дать подробный анализ этого тезиса. Нам важно было показать, что, согласно А. Н. Леонтьеву, тот мир, который существует вне сознания человека и вне взаимодействия с ним и который был всегда и до человека – амодальный, а мир, при наличии взаимодействующего с ним человека, – такой, каким его воспринимает человек в совокупности разных модальностей. Одним словом, важно было показать, что реальность до отражения качественно отличается от реальности отраженной. С философской точки зрения это не материализм, но и не идеализм. С психологической – причиной этих (леонтьевских) рассуждений является другой способ осознания мира как следствие *другого состояния сознания*, отличного от состояний сознания материалиста и идеалиста, которые затем воплощаются в определенный ход мыслей.

Представления о еще не отраженной реальности, существующей вне сознания человека, не дают ни Беркли, хотя у него была догадка о ней, ни, тем более, материалисты. Это является следствием отсутствия четкого различения между понятиями «Мир-в-себе» и «воспринятый мир». Что же не давало им возможности сделать это различение? Почему Беркли не смог дать четкого представления о способе существования природы вне человека? Почему материалисты полностью отрицают, что вне сознания может быть иная реальность, принципиально отличающаяся от уже отраженной?

«Постулаты запрета», которые необходимо учитывать при исследовании закономерностей процесса психического отражения, выдвинутые основоположником трансцендентальной психологии А. И. Миракяном, позволяют ответить на эти вопросы. Анализ истории развития философско-методологических и естественно-научных оснований выявления и исследования проблем непосредственно-чувственного отражения позволил А. И. Миракяну прийти к следующим выводам. При теоретическом исследовании ненаблюдаемых порождающих процессов восприятия «нельзя использовать 1) характеристики продуктов уже свершившихся процессов восприятия; 2) представления об изоморфности, адекватности и 3) способах абстрактно-логического построения отношений между непосредственными и опосредствованными образами и понятиями, относящимися к разным уровням психического отражения» [Миракян, 1990, с. 192] (выделенные цифрами в цитате выводы А. И. Миракяна мы и назвали «постулатами запрета»).

А. И. Миракян убедительно показал, что как материалисты, так и идеалисты при анализе проблем психического отражения неизбежно допускали одну и ту же методологическую ошибку. Они не замечали, что исходными основаниями для анализа процесса непосредственно-чувственного отражения служили продукты уже свершившегося процесса восприятия, из которых затем невозможно было вывести или реконструировать закономерности и принципы самого порождающего процесса восприятия. И если материалисты при этом опирались на данные о «внешних объектах», их свойствах и отношениях между ними, то идеалисты опирались на идеи, образы и понятия как отраженные в сознании, идеально-результативные данные. Но если не замечали, значит – *не осознавали*, что имеют дело с продуктами отражения. А если они это не осознавали, следовательно, у них не могли возникнуть вопросы относительно Мира или реальности, существующей до отражения. А как показал А. И. Миракян, представления о реальности, существующей до отражения субъектом мира, имеют важное значение для построения научной теории процесса психического отражения, удовлетворяющей требованиям полифункциональности и гибкости естественного процесса отражения [Миракян, 1992].

Возвращаясь к цитируемой выше работе А. Н. Леонтьева, обратим внимание на то, каким образом в его рассуждениях осуществляется переход от образа мира к Миру «в его отдаленности

от субъекта», то есть к Миру до отражения. Действительно, в этой работе сначала речь идет об образе мира, осознаваемого автором с гносеологической позиции: «Мы действительно строим, но не Мир, а Образ... Образ более адекватный или менее адекватный, более полный или менее полный... иногда даже ложный...» [Леонтьев, 1983, с. 255], и только потом появляются рассуждения о Мире до человека, но уже с онтологической позиции (об этом уже говорилось выше). Важно отметить, что этот переход от образа мира к рассуждениям о Мире не совершается логическим путем, посредством последовательных умозаключений. Тогда откуда появилась идея об амодальности Мира? Здесь происходит нечто, похожее на скачок мысли, который не мог быть осуществлен в процессе (научного) мышления, который всегда непрерывен. Для обсуждаемого случая непрерывность (последовательность) мышления могла привести либо к постулату об изоморфности или адекватности, что характерно для материалистического образа мышления, либо к постулату о созидательном вмешательстве высших (внешних или внутренних) сил, характерному для идеалистического образа мышления, но к тезису об амодальности Мира как способу его существования до человека, – нет. Поэтому, действительно, есть основания полагать, что такой скачок мысли является следствием дискретного («квантового») перехода в другое состояние сознания.

Таким образом, обобщая вышесказанное, можно придти к выводу, что основной психологической причиной неразрешимости проблемы противостояния между материалистами и идеалистами является несоответствие уровней и состояний сознания носителей этих двух философских концепций.

Из этого, в частности, следует, что материалист не принимает и не понимает идеалиста (и наоборот) не потому, что один из них умный, а другой глупый, один психически здоровый, а другой психически больной, один прав, а другой не прав, а потому, что они находятся в разных состояниях сознания. Это равносильно их существованию в разных реальностях, где законы одной реальности не действуют в другой.

Из вышеизложенного следует еще один важный вывод – понимание явлений и парадоксов в микро- и в макромире, в психологии, физике и философии зависит от состояний сознания исследователей, что нуждается в проведении дополнительного теоретического анализа.

Зависимость восприятия мира и сдвигов парадигм от изменений состояний сознания

Основываясь на вышеизложенном, состояние сознания можно характеризовать как психическое явление, которое меняется скачкообразно и обуславливает возникновение и особенности нового образа мышления и восприятия мира. По нашему мнению, именно состоянием сознания определяются мироощущение и мировосприятие человека, уровни и особенности осознания им мира. Мыслительная деятельность, обладающая свойством непрерывности протекания, является одним из условий (но не причина) перехода в новое состояние сознания, но, кроме того, она необходима как подготовительный этап к «инсайту», осуществляющему квантовый (дискретный) переход в новое состояние сознания. После такого перехода начинается новый этап мышления в другой категориальной системе, с другим ощущением мира и своего места в нем, с другим отношением к миру, которые и характеризуют новое состояние сознания. На возможность подобных переходов, происходящих в медитативных состояниях, указывали такие известные психологи, как В. В. Козлов [Козлов, 2005], В. Ф. Петренко и В. В. Кучеренко [Петренко, 2007]. В данном контексте речь идет не просто о переходе в новое состояние сознания, а об *определенном фундаментальном изменении состояния сознания*. Но подобные «парадигмальные» переходы в новое состояние сознания – явления редкие, и большинство людей проживают свою жизнь, оставаясь, сами того не замечая, в пределах одной какой-либо парадигмы, в одном особом состоянии сознания, определяющем эту парадигму. Из истории человечества можно привести множество примеров, указывающих на то, как разные состояния сознания определяли разные способы мышления и видения мира. В различных состояниях сознания находятся язычник (идолопоклонник) и единобожец, атеист и верующий, материалист и идеалист; геоцентризм Птолемея и гелиоцентризм Коперника, понимание и представление физической реальности Ньютоном и Эйнштейном, корпускулярное и волновое видение мира, продуктивное и афизикальное (трансцендентальное) осознание психических явлений и т. д. Во всех перечисленных парах мы имеем дело с разными состояниями сознания, которыми и определяются разные способы видения мира и мышления о нем. Приведем два примера из истории психологии, в которых ясно прослеживается, как изменение со-

стояния сознания приводит к новому способу видения мира, что, в конечном итоге, привело к созданию новых психологических концепций.

Имеем в виду трансцендентальную психологию и трансперсональную психологию. Как известно, предпосылки порождения психического А. И. Миракян искал вне человека, вне его истории и культуры – в бытии, в закономерностях развивающейся материи. Но чтобы рассуждать о ненаблюдаемой реальности за пределами психических феноменов в метафизических категориях бытия, в котором есть лишь возможности порождения психического, необходимо было отказаться от феноменологического языка анализа и перейти на другой уровень мышления о совершенно другой (до-психической) реальности. А это требовало наличия измененного состояния сознания, по сравнению с состояниями сознания традиционных психологов и философов.

Теперь обратимся к определению трансперсональной психологии В. В. Козлова: «Пятая волна психологии, – пишет автор, – выделила в качестве предмета психологии области за пределами общепринятого, персонального, индивидуального уровня *переживания, в которых чувство самоотождественности выходит за пределы индивидуальной, или личной, самости, охватывая человечество в целом, жизнь, Дух и космос*» [Козлов, 2007, с. 23-24]. Если поставить знак равенства между обычным состоянием сознания и Эго, то сам переход в новое измененное состояние сознания, согласно В. В. Козлову, совершается по схеме: «сначала дифференциация, независимость функционирующего Эго и затем трансцендирование привязанности к этому Эго» [Козлов, 2007, с. 24]. Как видим, в обеих обсуждаемых психологиях совпадает сам подход к выделению предмета исследования – он вне самости человека. В обоих случаях меняются язык и логика рассуждений и переживаний трансцендентальной реальности. Хотя необходимо отметить, что в трансперсональной психологии сохраняется уровень феноменологического описания, но описывается и переживается совершенно другая реальность, многообразие проявлений которой не имеет своих референтов в жизненном опыте человека. Следовательно, трансперсональная психология – это психология измененных состояний сознания, представленных феноменологией, выходящей, однако, за пределы человеческого опыта. А трансцендентальная психология – это дисциплина, изучающая реальность, порождающую человеческий опыт.

Но гораздо важнее и интереснее другое. Из этого сравнения неявным образом вытекает, что решение задач трансцендентальной психологии должно сопровождаться трансперсональными переживаниями, потому что при решении трансцендентальных проблем исследователь должен иметь дело с представлениями (образами, идеями, принципами), отсутствующими в человеческом опыте. А это определяет необходимость перехода из обычного состояния в другое, измененное, состояние сознания, где реализуется другой образ мышления в соответствующей ему логике. Таким образом, трансперсональный опыт может стать необходимым импульсом и условием развития трансцендентальной психологии (и философии).

О справедливости приведенных выше рассуждений можно судить, обратившись к фактам самой жизни. Во время одной из встреч автора этих строк с А. И. Миракяном в его московской квартире произошло следующее. Аршак (Аршак Израелович всегда просил, чтоб его называли по имени) хотел, чтобы я прослушал одну из множества магнитофонных записей его бесед с известными психологами и философами. Во время этих поисков вдруг я услышал тихий голос Аршака на фоне классической музыки. Несмотря на то, что запись звучала всего 6-7 секунд, не узнать эту музыку было невозможно: финал Шестой симфонии П. И. Чайковского. Думаю, излишне говорить о силе эмоционального воздействия именно этой части Шестой симфонии – не хватит эпитетов. Случайно сложившаяся ситуация? Случайное сочетание монолога ученого и музыки? Очевидно, нет! Аршак говорил медленно и вдумчиво, в такт музыке, его голос и музыка слились в одно полифоническое целое. Можно с уверенностью предположить, что музыка для него была *способом* создания другого, более глубокого, состояния сознания, в котором, возможно, ему открывались совершенно иные реальности с иной онтологией. А новый поток сознания давал начало новому образу мышления и новой логике. В подтверждение сказанному отметим и тот экспериментально доказанный факт, что, согласно исследованиям Д. Л. Спивака по лингвистике измененных состояний сознания, каждому измененному состоянию сознания соответствует «свой язык», со своей грамматикой и логикой [Спивак, 2000].

Обобщая возможности и итоги развития трансперсональной психологии, В. В. Козлов пишет:

«Собственно, предел предмета психологии достигнут» [Козлов, 2010, с. 25]. Можно согласиться с этим его выводом, но только наполовину, потому что совершенно справедливо указывается лишь «верхний» предел предмета психологии. Но ведь существует и «нижний», более глубинный, предел, ограниченный предметом трансцендентальной психологии, а именно поиском принципов и закономерностей процесса порождения психического в метафизической области «бытия в возможности». Общее этих двух психологий в том, что их предметы находятся вне пределов персонального, индивидуального опыта. Но, несмотря на это, они «занимают» противоположные области всего пространства психической реальности – от возможностей порождения и возникновения психического до ощущений и образов, выходящих за пределы переживаний «объективной реальности», и всего того, что называется трансперсональным опытом.

Таким образом, из вышесказанного следует, что трансцендентальная психология может быть включена в систему интегративной психологии В. В. Козлова как ее необходимая часть. В результате она (система) приобретет целостность и окончательную завершенность, потому что за «нижним» пределом следует метафизическое трансцендентальное Ничто, а за «верхним» – бесконечность многообразия трансперсонального опыта, охватывающего, согласно Козлову, «человечество в целом, жизнь, Дух и космос».

Интересно отметить, что те же вопросы трансцендирования и переходов из одной реальности в другую рассматриваются и с точки зрения виртуалистики. К вышеприведенным рассуждениям прямое отношение имеют следующие ее положения.

– Во-первых, существуют виртуальные реальности, обладающие свойствами порожденности, актуальности, автономности и интерактивности. Причем виртуальная реальность порождается константной реальностью, и законы виртуальной реальности не сводимы к законам константной реальности, и наоборот, то есть в виртуалистике невозможен редукционизм.

– Во-вторых, возможно существование множества онтологически равнозначных реальностей, что и характеризует принцип полионтизма в виртуалистике.

– В-третьих, из принятого в виртуалистике принципа конструктивизма следует невозможность построения абсолютной картины мира, так

как никакая из реальностей не может считаться «последней», «самой истинной», «абсолютной» и т. п. Поэтому любая задача, даже построение философии, «...становится решением относительной задачи, становится решением, обусловленным сознательным выбором человеком своего исходного положения в системе его мировоззрения» [Носов, 2001, с. 15].

Как видно из этих положений, в виртуалистике полностью отвергается моноонтичная парадигма, характерная для научного менталитета Нового и Новейшего времени.

Одной из главных особенностей монизма является представление о реальности как об одноуровневом и однородном образовании. Н. А. Носов поясняет: «Одноуровневом – потому, что, сколько бы ни было видимых уровней, все они сводятся к конечной реально существующей сущности» [Носов, 2000, с. 26]. То есть «...для современной науки и философии свойственно сводить мир к одной онтологической реальности: атомы, энергия, психика, дух и т. п.» [Носов, 2000, с. 26]. Добавим лишь, что это «реально существующее» относится к конкретным субъектам.

Таким образом, отсюда следует, что именно отсутствие представления о полионтизме порождает противоречие между материалистом и идеалистом, так как каждый из них как за единственно возможную принимает «свою» реальность. И к тому же, так как вся совокупность компонентов мировоззрения человека составляет содержание его сознания, выраженное в продуктивно-результативной форме, с психологической точки зрения материалист и идеалист находятся на разных уровнях и в разных состояниях сознания, поэтому «другая» реальность для каждого из них остается полностью неосознаваемой.

Таким образом, мы попытались выявить значение состояний сознания в возникновении двух противостоящих философских концепций. При этом еще раз хотим подчеркнуть, что нас не интересовали вопросы, кто прав, кто ближе стоит к истине – это философские, гносеологические вопросы, это область философской рефлексии. С психологической же точки зрения, важно было определить то, чем обусловлены возможность и причины появления этого эпистемологического различия в отражении и познании действительности. Для этого нам пришлось с общепсихологического уровня перейти на уровень анализа отдельной личности, и тогда появилась возможность выявления различий на уровне индивидуального

сознания. Философы не замечали этих различий в собственной психологии, поэтому в каждом отдельном случае из общей картины мира выпадал сам философствующий субъект, являющийся неотъемлемой частью мира. Позиция стороннего внешнего наблюдателя создавала у философа иллюзию объективности, независимости и истинности существования окружающей его реальности. А это способствовало описанию мира от грамматического третьего лица в терминах аристотелевской логики: «это есть...», «является», «существует» и т. д. (приводящего к фрагментарности, локализованности и метафоричности рассматриваемых явлений), когда индивидуально воспринятое неосознанно выдавалось за реальное и объективно существующее в действительности. И поэтому они могли безрезультатно спорить сколь угодно долго, защищая свои философские позиции. Как было показано выше, основную причину появления этого различия в отражении и познании мира мы видим в наличии у представителей обсуждаемых направлений в философии различных состояний сознания. Это являлось причиной выбора различных исходных постулатов анализа, способов мышления, приводящих к формированию соответствующих философских концепций. Здесь также важно отметить, что посредством теоретических аргументов и рассуждений, то есть мышления, невозможно совершить переход из одного состояния сознания в другое. Так, например, Евклид не смог бы из постулатов известной ему геометрии, путем последовательных теоретических рассуждений, вывести геометрию Лобачевского – для этого ему нужно было бы «оказаться» в другом состоянии сознания, обеспечивающем новое специфическое видение пространства. То есть, как показал психологический анализ, у противоречащих друг другу оппонентов противоречия возникают из-за неосознания того, что сопоставляются и сравниваются закономерности и принципы, относящиеся к разным реальностям. Выражаясь иначе, неразрешимыми противоречия оказывались по той причине, что каждая из сторон была убежденным сторонником «своего» *монистического* подхода при понимании, описании и объяснении явлений мира. Поэтому кажется вполне допустимым, что осознание представлений о психологической относительности реальности [Нагдян, 2007; Нагдян, 2017] и полионтизм приведут к снятию противоречий между, например, материализмом и идеализмом (или любыми другими парадигмами), которые могут рассматриваться

как предельные и равнозначные варианты обобщенной философской модели более сложной картины мира. Но показать это, на наш взгляд, – уже задача философов.

Библиографический список

1. Акопов Г. В. Направления и формы интеграции психологических знаний в контексте развития науки // Интегративный подход к познанию психологии человека / В. Н. Панферов, В. В. Знаков, Е. Ю. Коржова и др. ; под научной редакцией Е. Ю. Коржовой. Санкт-Петербург : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2017. С. 87-107.
2. Беркли Д. Сочинения. Москва : Мысль, 1978. 555 с.
3. Гейзенберг В. Шаги за горизонт. Москва : Прогресс, 1987. 368 с.
4. Знаков В. В. Психология возможного: Новое направление исследований понимания. 2-е изд., испр. и доп. Москва : Институт психологии РАН, 2021. 308 с.
5. Интегративный подход к познанию психологии человека / В. Н. Панферов, В. В. Знаков, Е. Ю. Коржова и др. ; под научной редакцией Е. Ю. Коржовой. Санкт-Петербург : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2017. 390 с.
6. Каминский А. В. Физика внутреннего наблюдателя // Метафизика (научный журнал). 2017. № 1 (23). С. 113-124.
7. Козлов В. В. Психотехнологии измененных состояний сознания. Москва : Институт психотерапии, 2005. 544 с.
8. Козлов В. В. Интегративная психология: Пути духовного поиска, или освящение повседневности. Москва : Институт психотерапии, 2007. 528 с.
9. Козлов В. В. Трансперсональная психология. Москва : Эксмо, 2010. 512 с.
10. Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм // В. И. Ленин. Сочинения. Т. XIII. Гос. соц. эконом. изд-во. Москва ; Ленинград, 1931. 387 с.
11. Леонтьев А. Н. Образ мира // Избр. психол. Произведения. Т. 2. Москва : Педагогика, 1983. С. 89-110.
12. Мазилев В. А. Стены и мосты : методология психологической науки. Ижевск : ERGO, 2015. 358 с.
13. Мединцев В. А. Методологические составляющие интеграции психологического знания // Ярославский педагогический вестник. 2020. № 1 (112). С. 115-131. DOI 10.20323/1813-145X-2020-1-112-115-130
14. Миракян А. И. Психология пространственно-го восприятия. Ереван : Айастан, 1990. 206 с.
15. Миракян А. И. Аффинажные принципы психического отражения и их моделирование в технических системах // Принципы порождающего процесса восприятия : коллективная монография / под ред. А. И. Миракяна. Москва : ИПИ РАО, 1992. С. 9-46.

16. Нагдян Р. М. Психологический релятивизм реальности. Ереван : Сарвард, 2007. 78 с.
17. Нагдян Р. М. Загадка психики: трансцендентальная психология и метафизика. Ереван : Издательский дом «Лусабац», 2017. 424 с.
18. Нагдян Р. М. Метафизическое единство трансцендентальной психологии и квантовой механики. Часть 1 // Ярославский педагогический вестник. 2021а. № 3 (120). С. 87-99. DOI 10.20323/1813-145X-2021-3-120-87-99
19. Нагдян Р. М. Метафизическое единство трансцендентальной психологии и квантовой механики. Часть 2 // Ярославский педагогический вестник. 2021б. № 4 (121). С. 64-75. DOI 10.20323/1813-145X2021-4-121-64-75
20. Нейман Д. Математические основы квантовой механики. Москва : Наука, 1964. 368 с.
21. Носов Н. А. Виртуальная психология. Москва : Аграф, 2000. 432 с.
22. Панов В. И. Экопсихология. Парадигмальный поиск. Москва ; Санкт-Петербург : Психологический институт РАО; Нестор-История, 2014. 304 с.
23. Петренко В. Ф. Медитация как непосредственное познание / В. Ф. Петренко, В. В. Кучеренко // Методология и история психологии. 2007. Том 2. № 1. С. 164-189.
24. Петренко В. Ф. Человек в предметном и ментальном мире. Существует ли «объективная действительность». Неоконченный спор Бора с Эйнштейном / В. Ф. Петренко, А. П. Супрун // Известия Иркутского государственного университета. Серия Психология. 2013. Т. 2. № 2. С. 62-82.
25. Петренко В. Ф. Методологические пересечения психосемантики сознания и квантовой физики / В. Ф. Петренко, А. П. Супрун. 2-е изд., доп. Москва ; Санкт-Петербург : Нестор-История, 2017. 380 с.
26. Прыгин Г. С. Неклассическая психология: психология субъектной реальности. Набережные Челны : Изд-во НГПУ, 2018. 268 с.
27. Спивак Д. Л. Измененные состояния сознания: психология и лингвистика. Санкт-Петербург : Ювента, 2000. 296 с.
28. Супрун А. П. Метапсихология: Релятивистская психология. Квантовая психология. Психология креативности / А. П. Супрун, Н. Г. Янова, К. А. Носов. Москва : Книжный дом «Либереком», 2013. 512 с.
29. Peterson A. The Philosophy of Niels Bohr. Frech and Kennedy, 1985.
2. Berkli D. Sochinenija = Compositions. Moskva : Mysl', 1978. 555 s.
3. Gejzenberg V. Shagi za gorizont = Steps beyond the horizon. Moskva : Progress, 1987. 368 s.
4. Znakov V. V. Psihologija vozmozhnogo: Novoe napravlenie issledovanij ponimaniya = Psychology of the possible: A new direction of understanding research 2-e izd., ispr. i dop. Moskva : Institut psihologii RAN, 2021. 308 s.
5. Integrativnyj podhod k poznaniju psihologii cheloveka = Integrative approach to the knowledge of human psychology / V. N. Panferov, V. V. Znakov, E. Ju. Korzhova i dr. ; pod nauchnoj redakciej E. Ju. Korzhovoj. Sankt-Peterburg : Izd-vo RGPU im. A. I. Gercena, 2017. 390 s.
6. Kaminskij A. V. Fizika vnutrennego nabljudatelja = Physics of the internal observer // Metafizika (nauchnyj zhurnal). 2017. № 1 (23). S. 113-124.
7. Kozlov V. V. Psihotehnologii izmenennyh sostojanij soznaniya = Psychotechnologies of altered states of consciousness. Moskva : Institut psihoterapii, 2005. 544 s.
8. Kozlov V. V. Integrativnaja psihologija: Puti duhovnogo poiska, ili osvjaxhenie povsednevnosti = Integrative psychology: Ways of spiritual search, or sanctification of everyday life. Moskva : Institut psihoterapii, 2007. 528 s.
9. Kozlov V. V. Transpersonal'naja psihologija = Transpersonal psychology. Moskva : Jeksmo, 2010. 512 s.
10. Lenin V. I. Materializm i jempiriokriticizm = Materialism and empiriocriticism // V. I. Lenin. Sochinenija. T. VIII. Gos. soc. jekonom. izd-vo. Moskva ; Leningrad, 1931. 387 s.
11. Leont'ev A. N. Obraz mira = The image of peace // Izbr. psihol. Proizvedenija. T. 2. Moskva : Pedagogika, 1983. S. 89-110.
12. Mazilov V. A. Steny i mosty : metodologija psihologicheskoj nauki = Walls and bridges: methodology of psychological science. Izhevsk : ERGO, 2015. 358 s.
13. Medincev V. A. Metodologicheskie sostavljajushhie integracii psihologicheskogo znanija = Methodological components of the integration of psychological knowledge // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2020. № 1 (112). S. 115-131. DOI 10.20323/1813-145H-2020-1-112-115-130
14. Mirakjan A. I. Psihologija prostranstvennogo vosprijatija = Psychology of spatial perception. Erevan : Ajastan, 1990. 206 s.
15. Mirakjan A. I. Afizikal'nye principy psihicheskogo otrazhenija i ih modelirovanie v tehniceskix sistemah = Physical principles of mental reflection and their modeling in technical systems // Principy porozhdajushhego processa vosprijatija : kollektivnaja monografija / pod red. A. I. Mirakjana. Moskva : IPI RAO, 1992. S. 9-46.
16. Nagdjan R. M. Psihologicheskij reljativizm real'nosti = Psychological relativism of reality. Erevan : Sarvard, 2007. 78 s.
17. Nagdjan R. M. Zagadka psihiki: transcenden-

Reference list

1. Akopov G. V. Napravlenija i formy integracii psihologicheskix znanij v kontekste razvitija nauki // Integrativnyj podhod k poznaniju psihologii cheloveka = Directions and forms of integration of psychological knowledge in the context of the science development // Integrative approach to human psychology knowledge / V. N. Panferov, V. V. Znakov, E. Ju. Korzhova i dr. ; pod nauchnoj redakciej E. Ju. Korzhovoj. Sankt-Peterburg : Izd-vo RGPU im. A. I. Gercena, 2017. S. 87-107.

Состояния сознания, проблема наблюдателя, познание (или о единстве трансцендентальной психологии, физики и философии). Часть I

tal'naja psihologija i metafizika = The mystery of psyche: transcendental psychology and metaphysics. Erevan : Izdatel'skij dom «Lusabac», 2017. 424 s.

18. Nagdjan R. M. Metafizicheskoe edinstvo transcendental'noj psihologii i kvantovoj mehaniki = Meta-physical unity of transcendental psychology and quantum mechanics. Chast' 1 // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2021a. № 3 (120). S. 87-99. DOI 10.20323/1813-145X-2021-3-120-87-99

19. Nagdjan R. M. Metafizicheskoe edinstvo transcendental'noj psihologii i kvantovoj mehaniki = Meta-physical unity of transcendental psychology and quantum mechanics. Chast' 2 // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2021b. № 4 (121). S. 64-75. DOI 10.20323/1813-145X-2021-4-121-64-75

20. Nejman D. Matematicheskie osnovy kvantovoj mehaniki = Mathematical foundations of quantum mechanics. Moskva : Nauka, 1964. 368 s.

21. Nosov N. A. Virtual'naja psihologija = Virtual psychology. Moskva : Agraf, 2000. 432 s.

22. Panov V. I. Jekopsihologija. Paradigmal'nyj poisk = Ecopsychology. Paradigm Search. Moskva ; Sankt-Peterburg : Psihologicheskij institut RAO; Nestor-Istorija, 2014. 304 s.

23. Petrenko V. F. Meditacija kak neposredstvennoe poznanie = Meditation as direct cognition / V. F. Petrenko, V. V. Kucherenko // Metodologija i istorija psihologii. 2007. Tom 2. № 1. S. 164-189.

24. Petrenko V. F. Chelovek v predmetnom i mental'nom mire. Sushhestvuet li «obektivnaja dejst-

vitel'nost'». Neokonchennyj spor Bora s Jejshtejnom = Man in the subject and mental world. Is there an «objective reality». Bohr's unfinished dispute with Einstein / V. F. Petrenko, A. P. Suprun // Izvestija Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija Psihologija. 2013. T. 2. № 2. S. 62-82.

25. Petrenko V. F. Metodologicheskie peresechenija psihosemantiki soznaniya i kvantovoj fiziki = Methodological intersections of psychosemantics of consciousness and quantum physics / V. F. Petrenko, A. P. Suprun. 2-e izd., dop. Moskva ; Sankt-Peterburg : Nestor-Istorija, 2017. 380 s.

26. Prygin G. S. Neklassicheskaja psihologija: psihologija sub'ektnoj real'nosti = Non-classical psychology: psychology of subjective reality. Naberezhnye Chelny : Izd-vo NGPU, 2018. 268 s.

27. Spivak D. L. Izmenennye sostojanija soznaniya: psihologija i lingvistika = Changed states of consciousness: psychology and linguistics. Sankt-Peterburg : Juventa, 2000. 296 s.

28. Suprun A. P. Metapsihologija: Reljativistskaja psihologija. Kvantovaja psihologija. Psihologija kreativnosti = Metapsychology: Relativistic psychology. Quantum psychology. Psychology of creativity / A. P. Suprun, N. G. Janova, K. A. Nosov. Moskva : Knizhnyj dom «Liberokom», 2013. 512 s.

29. Peterson A. The Philosophy of Niels Bohr. Frech and Kennedy, 1985.

Статья поступила в редакцию 25.08.2021; одобрена после рецензирования 08.09.2021; принята к публикации 25.09.2021.

The article was submitted on 25.08.2021; approved after reviewing 08.09.2021; accepted for publication on 25.09.2021.